

**Мусульманская угроза
в польской полемической литературе на рубеже XVII и XVIII веков.**

Интерес к исламу и мусульманам в польской литературе переживал несколько расцветов, что было обусловлено сразу несколькими факторами. В первую очередь – это длительная история соседства с мусульманскими государствами - Османской империей и Крымским ханством, а также наличие на территории Великого княжества Литовского татарского меньшинства, представители которого традиционно исповедовали ислам. Не последнее место, безусловно, занимало то влияние, которое было оказано на польскую литературу западноевропейская, где расцвет произведений, связанных с мусульманами произошёл значительно раньше – во времена первых крестовых походов. Так или иначе, несмотря на то, что польская литература обращалась к данной тематике и раньше, подлинный расцвет её пришёлся на период конца XVI – начала XVII века – эпоху конфронтации с Османской империей, когда Речь Посполитая оказалась втянута в череду войн, завершившихся триумфальной победой короля Яна III Собеского под Веной в 1683 году. Эпоха антитурецких войн, черпавших своё вдохновение в хрониках крестовых походов и представлявших борьбу с неверными как богоугодное дело, закончилась подписанием Карловицкого мира 1699 года; событие кульминационно закончившее XVII век, и начавшее век XVIII, вторая половина которого прочно ассоциируется с эпохой Просвещения.

С окончанием конфронтации в Европе постепенно происходит переосмысление взглядов, относящихся к мусульманам и исламу, что совпало с ростом европейской моды на ориентализм, характерной для эпохи Просвещения. Весь же XVIII века ознаменовал собой рост популярности романтических путешествий на Восток, которые были связаны с появлением многочисленных путевых записок и заметок, которые внесли коррективу в привычный для европейцев взгляд на мусульманские государства и религию, а также на те стереотипы, которые были характерны для них.

Польская литература на переломе XVII и XVIII столетий также не может не чувствовать этих перемен. Как отмечал Януш Тазбир, понятие «Христианской Речи Посполитой», которая являлась одним из столбов, на котором держалась сарматская идеология, потеряло свой смысл, а антитеза: католик (защитник *antemurale christianitatis*) – язычник (Турок), начало меняться в самосознании жителей Старого света в антитезу: человек цивилизованный (Европеец) - варвар (житель других континентов)¹.

В тоже время, стоит отметить, что хотя польская литература эпохи барокко и находилась под определённым влиянием западноевропейских аналогов, она обладала набором своих собственных отличительных черт, связанные со спецификой, которая всегда была свойственна этой части Восточно-Европейского культурного пространства. Ведь, несмотря на географическую близость «Востока», на наличие культурного взаимодействия и «моды на всё восточное», сарматскую идеологию, которая оказывала всё большее влияние на развитие польско-шляхетской ментальности, полякам практически ничего не было известно ни о жизни на Востоке, ни, тем более, об исламе. Сведения отсюда были весьма отрывочны, а все взаимоотношения ограничивались исключительно обменами посольств с Османской империей и Крымским ханством, а также набегами последних на южные границы Речи Посполитой. Такого взаимодействия христиан и мусульман в едином пространстве как в Средневековой Испании или в государствах крестоносцев на Ближнем Востоке не существовало и в помине. Таким образом, основная волна информации об исламском Востоке шла, посредством публикации различных переводов, исключительно с Запада. А с учётом наличия антиисламского тренда среди авторов и весьма вольном

¹ Tazbir J. Polska przedmurzem Europy. Warszawa, 2004. S.113-114.

переводе, информация эта искажалась до неузнаваемости, впитывая в себя все возможные стереотипы, созданные культурой Запада и Востока Европы. Как писал известный польский историк-ориенталист Богдан Барановский: «наша (польская) антиисламская литература имела специально острый и агрессивный характер, а также отличалась отсутствием объективности, происходящем вследствие незнания тематики[...]»². В образе Востока, конструируемого в польской ментальности в XVIII в., происходит соединение «сарматской ориентальности», характерной для XVII века с западноевропейским пониманием «ориентальности», характерным для эпохи Просвещения. Многие исследователи отмечают, что следует с осторожностью говорить о популярности в Речи Посполитой того образа мира, что был создан западноевропейскими философами, стоило бы говорить скорее о «дальнейшем развитии идеологии и ментальности сарматской» и об отсутствии границы между тем, что относится к эпохе Барокко, а что к Просвещению³.

В данном случае под мусульманской угрозой мы понимаем не только угрозу физического завоевания, которая к концу XVII века миновала, но и попытку польских авторов представить ислам в неприглядном, враждебном виде для всего польского и христианского. Едва ли не главной целью работы именно с нашими текстами, было намерение увидеть саму структуру выраженных в них представлений об исламе и мусульманах, под которой мы подразумеваем иерархию повторяющихся мотивов. Сами мотивы могут быть весьма разнообразными, но все они имеют под собой определенный смысл, который автор раз за разом пытается донести до своего читателя. И, конечно, они все взаимосвязаны и объединены определенной целью — создания, зачастую, как можно более негативного образа. Из наиболее часто использованных нашими авторами мотивом при создании образа мусульман можно отметить: *мотив священной войны* — навязчивая идея о необходимости ведения войны против иноверцев в защиту христианской религии и освобождения Святой Земли; *мотив демонизации и дегуманизации* — попытка придать описываемым мусульманам связь с некими нечеловеческими, зачастую демоническими силами, приписывание им нехарактерных для людей черт; *мотив морального несовершенства* — попытка наших авторов приписать мусульманам определенные врожденные отрицательные моральные черты, которые априори не могут быть характерны для христиан и зачастую связываются с особенностями исламской религии; *мотив ложности ислама* — искажение религиозных основ исламского вероучения, желание придать им черты ошибочной, враждебной христианству религии, которая и является источником возникновения всех отрицательных качеств мусульман. В данном случае, я обращаюсь только к двум из них — мотиву священной войны и мотиву ложности ислама.

Священная война.

Мотив священной войны лучше всего представлен в классических произведениях польской антиисламской литературы, как например в произведении Марчина Пашковского «История Турции и стычек казаков с татарами» (1615), которая начинается с мотива, «Святая земля в руках неверных»: «Где наш Господь Иисус Христос спас нас, где он родился, где чудеса великие творил, где пророк ходил...где спасительной вере учил, где кровавой жертвой завет свой утвердил...с этих мест святых бесстыдный турок («sprośny Turczyn») прибыль получает, а с несчастных христиан дань собирает»⁴. Автор считает, что

² «Nasza literatura antyislamska miała specjalnie ostry i zaczepny charakter, brak zaś jej było argumentów rzeczowych, wypływających ze znajomości tematu[...]». Baranowski B. Znajomość wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódź, 1950

³ Maśko A. Obraz islamu w Rzeczypospolitej w XVIII w.//Przegląd Orientalistyczny. № 3-4.Polskie Towarzystwo Orientalistyczne.2015. S.197

⁴ «Gdzie nas Pan Chrystus zbawił, i gdzie się narodził, gdzie cuda wielkie czynił, gdzie Prorok chodził...gdzie zbawiennej wiary Nauczał...gdzie krwawej ofiary Testament swój sprawował... z tych miejsc Świętych, dziś sprośny Turczyn zysz wybiera a od smutnych Chrześcijan dań żalosną zdziera...». Paszkowski M. Dzieje Tureckie y utarczki kozackie z Tatarami. Kraków, w drukarni Mikołaja Loba,1615. S.30

такое положение дел — это серьёзный удар по чести христиан. Ибо для христиан первостепенное значение — это совершать богоугодные дела, а не может быть более богоугодного дела, чем освобождение святых мест, ибо, удивляется автор, «как можем мы называться христианами, когда слава дел христианских у нас меркнет?»⁵ Таким образом, данный сюжет имеет под собой основу возвращения христианами того, что принадлежит им по праву. Святая земля имеет сакральную ценность для христиан, но не имеет таковой для мусульман, ибо религия их несправедлива и неверна. Сами мусульмане подтверждают это своими действиями, унижая христиан и оскорбляя их религию. Автор укоряет христиан за то, что они погрязли в собственных неурядицах и грехах, совсем позабыв о своем христианском долге, в то время как Святая земля и огромное количество их единоверцев находятся в руках язычников, которым только на руку такой разлад в лагере христианства. Мусульмане приобретают одновременно образ как врагов самого Бога, имя которого они хулят и над приверженцами которого они издеваются, так и выступают некоторым орудием кары христианам за их грехи. В то же время, автор не сомневается, что в случае если христиане объединятся против врага своей веры, то Бог им все «простит» и сам поведет христиан к победе над язычниками. Весьма характерным является тот факт, что многие сюжеты метафорично осмысляются в библейских терминах. Так происходит отождествление мусульман с Вавилоном, а христиан с еврейским народом, который должен спасти судья израильский, новый Гедеон или новая Юдифь, которые играют роль спасителей евреев в Ветхом завете.⁶

Тем не менее, эпоха классической антитурецкой литературы заканчивается вместе с Турецкими войнами. Мы ещё можем встретить отголоски мотива «священной войны» в виде призывов нового крестового похода в поздних произведениях, например у Теофила Рутки в его «Меч против Турок» (1684) или у Петра Кчевского в его «*Honor orthodoxae fidei Arabum crudelitate*» (1714), которая является неким оммажем западноевропейской литературе времён крестовых походов, и в котором, по мнению Ежи Носовского, главные антагонисты имеют черты Яна Собесского и Турецкого султана⁷. Но уже начиная с начала XVIII века польские авторы перестают воспринимать Османскую империю как возможного поработителя Речи Посполитой, а также как угрозу своим шляхетским свободам. Как отмечает польский исследователь Адриана Машко, если ещё в первой половине XVIII в. в польском самосознании господствовали представления об исламе, опирающиеся на предрассудки, сконструированные в предыдущие столетия, то уже в 70-е гг. отношение к Османской империи начинает кардинально меняться. Связано это было с внешней политикой Российской империи по отношению к Речи Посполитой, которая превратила Турцию в естественного союзника⁸. Тем не менее мотив «ложности исламского вероучения» не только не исчезает, но и продолжает оперировать целым набором черт, характерных для более ранних эпох.

Образ ислама

Обратимся к образу ислама и пророка Мухаммеда, созданному Шимоном Старовольским в начале XVII, где он последовательно воспроизводит мысль о его «лжепророчестве». По отношению к Мухаммеду употребляются такие слова как «мерзкий»

⁵ Ibidem.S.110

⁶ «Ufając że im da Bog kiedy Gedeona dla wyzwolenia z tego złego Babilona. Albo już Judith jaką, gdy niestaje mężow, ktorzyby wygubili tych przeklętych węzow. Co się tak rozmnozyli i co dzień sie mnożą. A łodke Chrystusiwą ustawicznie trwożą.» Ibidem.S.53

⁷ Nosowski J. Polska literatura polemiczno antyislamiczna XVI, XVII i XVIII w. z. I-II. Warszawa, 1973. S.378

⁸ Maśko A. Obraz islamu w Rzeczypospolitej w XVIII w.//Przegląd Orientalistyczny. № 3-4.Polskie Towarzystwo Orientalistyczne.2015. S.195

(plugawy), а созданная им религию Старовольский называет «бреднями» (bredni). Описывая религиозные обряды мусульман, автор зачастую делает акцент на том, что во многом они идет не от бога, а от самого Мухаммеда. Например, турецкий султан встает рано поутру потому, что на это время Мухаммед назначил время молитвы, поэтому султан полчаса этими молитвами «развлекается» (bawie). Сам Мухаммед предстает как человек крайне распутный. Ведь даже в своем завете, который он оставил всем мусульманам, он писал о телесных наслаждениях как наивысшем счастье, что позволяет автору прийти к мнению о том, что сам пророк был склонен ко всякой нечистости (skłonny z natury do wszelakiej nieczystości). Кроме того, автором постоянно подчеркивается мысль о том, что мусульмане поклоняются телу Мухаммеда или его гробу (grób Mahometów), что можно расценивать в качестве обвинения ислама в его «ошибочности», ибо мусульмане поклоняются человеку, а не богу, в Мухаммед просто ловко их обманул.

Можно сделать вывод, что и в этом сочинении Мухаммед предстает перед читателем как «лжепророк». Человек, обманувший доверчивых мусульман, и заставивший их впасть в грех.

Шимон Старовольский в своем описании ислама придерживается вполне традиционного среди христианских писателей убеждения в том, что ислам является языческой религией. Более того, он ее так и называет - «идолопоклоннической» (bałwochwalska). Так, он довольно презрительно рассуждает о исламских праздниках, которые, по его мнению, полны всяких грехов (zupelnemi wszystkim grzechów). Наибольшее возмущение у него вызывает обычай убивать по праздникам собак и вешать их рядом со своим домом, что, по мнению мусульман, помогает сохранить им их собственные жизни, так как бог обращает свой гнев на души собак.⁹ Причем данный обычай, по словам автора, в Константинополе не принят и распространен в других городах. Из этого можно сделать вывод, что автор старается придать исламу языческие черты, более того, если учесть, что свидетелем описываемых событий он не являлся, то, скорее всего, в данном фрагменте используется более или менее устоявшийся миф. К той же мысли можно отнести его слова о том, что мусульмане почитают кошек, как и в Древнем Египте. Связано это не только с египетской традицией, но и с тем, что кошки были любимыми животными пророка Мухаммеда¹⁰.

К мотиву о язычестве мусульман относится и пассаж о том, что среди них распространено колдовство. Так, по свидетельству Старовольского, женщины из султанского гарема часто обращаются за помощью к колдунам, «которых немало среди турок»¹¹ Турецкий султан часто использует колдовство для того, чтобы держать в повиновении собственных подданных.¹²

Попытка «дегуманизации» мусульман польскими публицистами.

В данном разделе мы попытаемся рассмотреть попытки авторами приписать мусульманам различные не свойственные обычным людям черты. Другими словами, речь пойдет о попытках «демонизации» мусульман.

В первую очередь, необходимо отметить, что Гжегош Чарадский в своей побудке «Призыв к Турецкой войне» (1621) использует по отношению к туркам такие эпитеты как «саранча малодушная» (szarańcza pierzchliwa) и «отвратительные крысы» (szczurki brzydliwy). Данный образ свидетельствует об отсылке к библейским традициям. Как слово «саранча», так и «крысы», свидетельствует о огромном количестве мусульман, что в свою очередь отсылает к традиционным христианским ассоциациям – образ бесчисленного

⁹ «...aby się Pan Bóg kontentował duszą tego psa i nań gniew swój obrócił...» (Starowolski S. Dwór cesarza tureckiego i rezydencja jego w Konstantynopolu. Kraków, Wyd. K.J Turowski, 1858. S.79).

¹⁰ «iż się w nich barzo kochał Machomet»...Ibidem. S.75

¹¹ Ibidem.S.50

¹² «...uczyniona na czarodziejstwo jakie, aby Turki czarować...» Ibidem S.31

множества языческих народов – врагов истинной веры. Эти пассажи отсылают также к новозаветному образу «духа нечистого», «Сатаны и его легионов».¹³ В сочинении Чарадского турецкому султану приписывается образ, который можно сравнить с образом слуги «Антихриста». Сообщая польскому королю о своем решении напасть на Польшу, султан обещает уничтожить там христианство, уничтожить «Бога твоего распятого» и насадить ислам. При этом употребляется угроза в случае непослушания «все спалить огнем».¹⁴ Конечно, в восприятии читателя такое совершить может только Антихрист или его слуга. Ту же самую мысль автор проводит и в письме короля Сигизмунда III. Король призывает султана покориться силе Господа Бога, покориться в содеянных грехах. Будучи убежденным в своей победе король пишет о том, что на его стороне Бог. Врядли бы король так надеялся бы на помощь Бога, если бы речь не шла о борьбе с силами зла.

Шимон Старовольский в своей «побудке» также отмечает различные нечеловеческие элементы у мусульман. Он также именуется мусульман терминами «саранча» (*sarancza*) и «орда» (*orda*), что также свидетельствует о «бесчисленном множестве язычников». Помимо этого к дьявольским деяниям можно отнести тот факт, что мусульмане купаются в христианской крови. Несколько раз Старовольский призывает уничтожить их «логова драконы» (*legowiski smoczy*) и «гнезда страусиные» (*gniazda strusi*). Драконы в средневековой Европе ассоциировались с дьяволом. Страусы же, скорее всего – с Востоком и арабским миром.

Итак, подводя итоги, можно отметить, что для польский публицистов (в основном для Чарадского и для Старовольского) характерно приписывании демонических элементов мусульманам, что говорит в первую очередь о влиянии на их произведения определенного набора классических христианских стереотипов, характерных для более ранних западноевропейских антиисламских трудов.

Обратимся теперь к тому, как описывал ислам Бенедикт Хмелёвский в первой польской энциклопедии, выпущенной во Львове в 1747 году «Новые Афины»: «Этой отвратительный секты Магомет автор, из верблюжьих пастухов пророк, но фальшивый, от идиотов умный среди глупцов, король шайки, осёл а не божий посланник, ошибок, а не пути спасения указатель, проводник к пропасти, просветитель ослепляющий, доктор глупости, от верблюдов до ошибок перебежавший. Был он Аравии счастливой несчастный фрукт и обыватель, Востока фатальный закат» Создал он религию опирающуюся как на христианские принципы, так и на еврейские и языческие ошибки. «и из этих верований и сект создал рецепт религии магометанской в сердце и разуме своём, обещавши как можно больше физических удовольствий в раю всем, кто убивает врагов».¹⁵

Или к описанию ислама у Игнация Красицкого в его «Собрании нужнейших сведений» (1781) «Законодатель мусульманов и предводитель веры им самим выдуманной. Родился в Аравии в 571 году, отец его был идолопоклонник и звался Адаллахом, мать была еврейка Эмина. Осиротевший в молодости, попал под опеку своего дяди Абуталеба. Стал после слугой богатого арабского купца, после смерти которого, так понравился его вдове Кадыге, что стал в конце концов её мужем. Ставши богатым, сошёлся с монахом Сергием, несторианской ереси правилами наполненным, Батыром и несколькими евреями, с которыми книгу свою Алкоран сочинил и написал»¹⁶

О Мухамеде:

«Законодатель мусульманов и предводитель веры им самим выдуманной. Родился в Аравии в 571 году, отец его был идолопоклонник и звался Адаллахом, мать была еврейка Эмина. Осиротевший в молодости, попал под опеку своего дяди Абуталеба. Стал после

¹³ Лучицкая С.И.. Мусульмане в хрониках крестовых походов. Спб, 2001. С. 47

¹⁴ Czaradzki G. Pobudka na wojnę Turecką. Poznań, Drukarnia Jana Kossowskiego, 1621. S.4

¹⁵ Chmielowski B. Nowe Ateny czyli akademia wszelkiej scencyi pełna..., T.1, Lwów, 1746. S.750-768

¹⁶ Krasicki Ignacy, Zbiór potrzebniejszych wiadomości, t. II, Michał Gröll, Warszawa–Lwów 1781. S.69

слугой богатого арабского купца, после смерти которого, так понравился его вдове Кадыге, что стал в конце концов её мужем. Ставши богатым, сошёлся с монахом Сергием, несторианской ереси правилами наполненным, Батыром и несколькими евреями, с которыми книгу свою Алкоран сочинил и написал»¹⁷

Отвечая на поставленный вопрос, мы пришли к выводу о том, что для всех наших авторов свойственна профанация основ исламской религии. В описании ими ислама наиболее характерным мотивом является мотив ошибочности ислама, особенно в сравнении с религией христианской. Некоторые авторы приписывают исламу связь с дьяволом, объясняя данный факт наличием в нем элементов, глубоко чуждых христианству, которые воспринимаются как дьявольские. Особенным нападкам подвергаются эсхатологические воззрения мусульман, которые воспринимаются польскими авторами в качестве дьявольской ловушки и дороги в ад.

Религия мусульман также зачастую ассоциируется с ложью и ошибками обычного человека, называемого ее приверженцами пророком Мухаммедом, который на самом деле обычный лжец. Ислам не воспринимается нашими авторами в качестве самостоятельной религии, более того, довольно популярным является мнение, что ислам не является религией вообще, а представляет из себя секту, созданную на погибель христианству.

Весьма характерным мотивом в описании ислама является факт несомненной его связи с язычеством, в то же время отмечается заимствование у христианства и иудаизма определенных аспектов богослужения и традиций. С этим фактом связан также мотив «непонимания» мусульманами своей собственной религии, которая во многом имеет правильные, с христианской точки зрения, основы. Так, мусульмане якобы были просто запутаны обманщиком Мухаммедом, который отдалил их от истинного Бога, заставив поклоняться самому себе.

Также в XVIII сохранили популярность сочинения, в которых содержится импровизированный диалог христианина с мусульманином, призванный в очередной раз доказать читателю превосходство христианской религии над исламом. Такой диалог мы можем встретить как у Марчина Пашковского в его «Истории Турции...» в 1621 году, так и у Михаила Вечорковского в его вымышленном диалоге с татаринном в 1721 году¹⁸ Таким образом, можно говорить о целой группе сочинений, посвящённых полемической дискуссии католиков с мусульманами. Как утверждает польский исследователь Богдан Рок, связано это было с усилением позиций польской католической церкви после Тридентского собора, которая старалась найти возможность обратиться в католичество не только представителей протестантской и православной церквей, но и мусульман, проживающих в Речи Посполитой, что привело бы к «религиозной унификации». Об этом может свидетельствовать тот факт, что большинство антимусульманских сочинений, появившихся в первой половине XVIII века, принадлежат кругу римско-католического духовенства, и напечатано в церковных типографиях. Этот процесс происходил в русле общеевропейской тенденции создания государства монолитного в религиозном смысле, где власть церковная была бы подчинена власти светской.¹⁹

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что несмотря на конец войн с Турцией, сочинения связанные с исламской тематикой не утратили своей актуальности. Многие мотивы (за исключением «священной войны») продолжили своё существование в польской литературе. Путешествиями на Восток, а, соответственно, и созданием новых образов интересовалось ограниченное количество богатых представителей дворянства (Миколай Кшиштоф Радзивилл, Адам Чарторыйский, Кшиштоф Потоцкий).

¹⁷ Krasicki Ignacy, Zbiór potrzebniejszych wiadomości, t. II, Michał Gröll, Warszawa–Lwów 1781. S.69

¹⁸ Wiczorkowski M. Katechizm z okazji Tatarzyna Budziackiego nic po polsku, tylko po turecku, nieumiejącego wydany... Poznań. 1721

¹⁹ Rok Bogdan. Kościół katolicki wobec innowierców w Rzeczypospolitej czasów saskich. Problemy ujednoczenia w społeczeństwie w państwie wielonarodowym i wielowyznaniowym//Kultura-Historia-Globalizacja. N.5, 2009 S.116-117